

SCYTHICA OBSOLETA

Ираноязычие скифов уже давно не вызывает сомнений, и вряд ли кто-то станет отрицать, что скифологические штудии должны опираться в том числе и на достижения иранистики. На практике же исследователи Скифии, большинство которых по понятным причинам составляют археологи, обычно довольствуются дежурным упоминанием о языковой принадлежности скифов, тогда как «изучение явлений скифской культуры, запечатленных античными авторами, а тем паче – материальных остатков деятельности скифов, полученных в ходе археологических раскопок, зачастую проводится без полноценного учета этнической принадлежности их создателей»¹. Такая «самодостаточность» скифологии сильно ограничивает ее возможности².

Именно поэтому особое значение приобретают работы, в которых скифская культура рассматривается в более широком контексте, на фоне античной традиции и иранского сравнительно-исторического языкознания – ведь при грамотном использовании соответствующие данные способны прояснить многие нерешенные вопросы, от происхождения скифов до их роли в переднеазиатской истории. Об основах такого подхода и подстерегающих исследователя на этом

¹ Кулланда С.В., Раевский Д.С. *Scythica sub specie iranica* (Скифская тематика в трудах Э.А. Грантовского) // ВДИ. 2002. № 4. С. 213.

² Об этом неоднократно писал Э.А. Грантовский (*Грантовский Э.А.* Выступление на круглом столе «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии» // НАА. 1980. № 6; *он же.* О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981. С. 59–61).

пути трудностях я и хотел бы поговорить на примере рецензируемой фундаментальной монографии.

Книге А.И. Иванчика (тем более что появилась она одновременно в двух изданиях – русском и немецком) более всего подошло бы определение, данное когда-то Ю.Г. Виноградовым другому ученому труду, – «гелертерская работа», причем слово «гелертер» в данном случае возможно трактовать и в положительном немецком, и в менее комплиментарном русском смысле. Первое толкование приложимо к разделам об античной традиции, второе – к собственно скифологическим пассажам. Если первые написаны со знанием дела, с учетом практически всей релевантной литературы, то вторые выдают недостаточное знакомство автора с иранистикой. В результате при анализе, скажем, дошедших до нас скифских лексем А.И. Иванчик вынужден принимать на веру ранее сформулированные фонетические соответствия и этимологии, не будучи в состоянии нащупать их слабые места и не учитывая альтернативных гипотез.

Книга А.И. Иванчика – весьма полезное издание, в котором специалисты найдут для себя много ценной информации. Хуже обстоит дело с выводами, чаще всего сугубо отрицательными: вопреки распространенному мнению, античная литература вплоть до Эфора не идеализировала скифов (с. 33–40), киммерийцы в «Одиссее» – вымышленный образ (с. 59), греки до последней трети VII в. до н.э. не подозревали о существовании северного и восточного побережий Черного моря (с. 104), и мы не знаем, был ли известен грекам в гомеровскую эпоху сам этноним «скифы» (с. 66, 108) и т.п., но, в конце концов, характер выводов во многом определяется характером имеющегося материала, а античный мир до колонизации Северного Причерноморья действительно имел слабое представление о северных кочевниках. И все же в ряде случаев приводимая в книге информация, извлеченная из ранней греческой литературы, позволяет прийти к важным для истории ираноязычных народов, прежде всего скифов, заключениям, которых автор, однако, не делает. Так, например, упоминание в одном из фрагментов поэта Алкмана, творившего в конце VII в. до н.э., Колаксаева (по имени известного из Геродота (IV. 5–7) мифического прародителя скифских царей-паралатов) коня А.И. Иванчик с полным основанием считает доказательством того, что к этому времени часть греков (по его мнению, малоазийских, поскольку Алкман был уроженцем Сард³) была хорошо знакома со скифской мифологией. К сожалению, автор некритически принимает старые этимологии имен Колаксия (Κολάξαις) и его братьев Липоксия (Λιπόξαις) и Арпоксия (Ἀρπόξαις) (Herod. IV. 5–7), выдвинутые в 40-х годах прошлого века, когда фонетика скифского языка была еще недостаточно изучена, что ведет к фантастическим построениям касательно скифской мифологии и мешает сделать лежащие на поверхности лингвистические выводы. В именах трех братьев относительно твердо идентифицирована только вторая часть: как отметил еще П.И. Шафарик⁴, -ξαις есть не что иное, как иранское *xšāua* «власть». С начальными компонентами дело обстоит сложнее. В.И. Абаев сравнил первый элемент имени Арпоксия с осетинским *arf* «глубокий» (<*āpra) и перевел все имя как «владыка вод» или «владыка Днепра»⁵; Э.А. Грантовский впоследствии предложил перевод «владыка глубины»⁶. Начальный элемент имени Колаксия В.И. Абаев возводил к иранскому *xšar* «солнце» и переводил как «Солнце-царь»⁷. Развивая гипотезу В.И. Абаева, Э.А. Грантовский предположил, что Κολά- восходит к иранскому *xšāra-* (с характерным аланским переходом *ri/ry > l*), а все имя следует переводить как «царь неба»⁸. Первый элемент имени старшего брата, Липоксия, который В.И. Абаев в монографии 1949 г. счел не поддающимся объяснению, Э.А. Грантовский возводил к иранскому *ripa*, названию Рипейских гор, а также гор *par excellence*⁹. В дальнейшем этимологии имен персонажей скифской генеалогической легенды неоднократно приводились в подтверждение гипотезы о существовании в скифской мифологии представления о трех сферах мироздания. Увы, нас ждет, по выражению Томаса Гексли, «величайшая трагедия Науки – убийство прекрасной гипотезы безобразным фактом» (The great trage-

³ В этом А.И. Иванчик следует мнению М.В. Скржинской (Скржинская М.В. Древнейшее свидетельство о знакомстве греков с мифологией скифов // Скифы Северного Причерноморья. Сб. научных трудов. Киев, 1987. С. 30–33).

⁴ Šafařík P.J. Slawanské Starožitnosti. Oddíl Dějepisný. Swazek II. Arch. 11–20. Pomoci českého museum w Praze, 1836. S. 236.

⁵ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.–Л., 1949. С. 242.

⁶ Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960. С. 7.

⁷ Абаев. Осетинский язык и фольклор. С. 243.

⁸ Грантовский. Индо-иранские касты... С. 19. Прим. 26.

⁹ Там же. С. 7–10.

dy of Science – the slaying of a beautiful hypothesis by an ugly fact)¹⁰. «Безобразный факт» заключается в том, что *абсолютно все* постулируемые при объяснении первых частей имен трех братьев фонетические переходы в скифском были *невозможны*. Метатезы **pr* > *rp* не происходило не только в скифском, но и в раннесарматском, о чем свидетельствует сарматское название Днепра, сохраненное в греческой форме Δάναλρις (скифы называли Днепр Борисфеном, Βορυσθένης), следовательно, первая часть имени Арпокса не может восходить к слову **āpra* «глубина». Не происходило в скифском и перехода *ri* в *li* или *ry* в *l*, что видно хотя бы из записанных Геродотом скифских имен: Ариапиф, Ариант, Орик. Следовательно, первая часть имени Липокса не может восходить к иранскому **ripa*, а первый элемент имени Колакса – к иранскому *xⁿarya-*. Таким образом, все рассуждения А.И. Иванчика о «солнце-царе» Колаксае (с. 163–164) и «царе глубин, вод» Арпоксае, а также «солнечных» и «водных» конях основаны на недоразумении. С исследователями, на которых он ссылается, сыграло злую шутку смешение разновременных языковых явлений: отмеченные ими фонетические процессы действительно происходили, но в гораздо более поздний период и в другом, хотя и родственном, языке. Если, вооружившись современными представлениями о скифской фонетике, вновь обратиться к анализу имен трех братьев, то станет ясно, что в двух из них наблюдается характерный для юговостоочноиранских языков переход *d* > *δ*¹¹ > *l*¹². Эту изоглоссу, объединяющую скифский язык, с одной стороны, и юговостоочноиранские языки, а именно бактрийский, афганский (пашто, пушту), мунджанский, йидга, – с другой, исследователи время от времени отмечали¹³, но до недавнего времени никто не делал напрашивающегося вывода и не пытался трактовать *все* случаи появления *l* в скифском как рефлекс восточноиранского *δ* (и общеиранского **d*)¹⁴.

Эту непоследовательность сумел преодолеть польский лингвист К.Т. Витчак, впервые выдвинувший ряд достоверных фонетических критериев различия скифского и сарматского языков. К сожалению, работа Витчака¹⁵ осталась А.И. Иванчику неизвестной, а на то, что при традиционной этимологии имен скифской генеалогической легенды скифский *l* странным образом происходит то из иранского **d*, то из **ry*, он не то чтобы не обратил внимания – на с. 222 он отмечает, что «переход межзубного в *-l-* в интервокальной позиции [замечу в скобках – не только в интервокальной. – С.К.] характерен для ряда восточноиранских языков», – но не придал

¹⁰ Huxley Th. Biogenesis and Abiogenesis // Collected Essays. Vol. 8. L., 1894. P. 244.

¹¹ В иранистике греческой дельтой принято условно обозначать звонкий межзубный [ð], сходный с начальным согласным в английском слове this.

¹² То, что этот переход был характерен и для скифского, видно, в частности, из упоминаемого А.И. Иванчиком соответствия скифского Παράλαται – авест. *paraḍāta*.

¹³ Грантовский. Индо-иранские касты... С. 20. Прим. 28; Schmitt R. Andere altiranische Dialekte // Compendium Linguarum Iranicarum / Hrsg. von Rüdiger Schmitt. Wiesbaden, 1989 (далее – CLI). Вопреки мнению Д.И. Эдельмана (Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986. С. 169) о связи данного перехода в юго-восточноиранских языках с ареальными, возможно субстратными, тенденциями, и его относительно позднем возникновении, он засвидетельствован в указанном ареале древнеиндийским топонимом *Bāhlika* (т.е. Бактрия – отсюда более позднее Балх), который соответствует авестийскому *Bāxδi-* (с суффиксом *-ka*), а также древнеиндийским словом *lipi* «письмо», заимствованным из западноиранского *dipi* (а в конечном итоге из шумерского через эламский и/или аккадский) при посредстве диалекта, где произошел переход *d* > *l* (Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998. С. 106–107). Связано данное обстоятельство, видимо, с сакским, *resp.* скифским, происхождением бактрийцев, пуштунов, мунджанцев и йидга (см. об этом Marquart J. Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. В., 1901. S. 226 et al.; Грантовский Э.А. Из истории иранских племен на границах Индии // КСИНА. 1963. LXI; он же. Племенное объединение Paṛṣu-Paṛṣava у Панини // История и культура древней Индии. М., 1963; он же. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды Международной конф. по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября – 6 октября 1968 г. Т. II. М., 1975; он же. Иран и иранцы... С. 105–109).

¹⁴ Колебания скифологов относительно этой изоглоссы хорошо иллюстрирует высказывание Бильмейера: «Если (курсив мой. – С.К.) мы принимаем всерьез происхождение скифского Παράλαται < младоавест. *paraḍāta*... сохранение интервокального *d* в сарматском и осетинском... становится фонетически дифференцирующим признаком» (Wenn wir die Ableitung skyth. Παράλαται < [j]ung[av]est]. *paraḍāta*... ernst nehmen, stellt die sarmatische und ossetische Bewahrung von intervokalisches *d*... ein klares lautliches Differenzierungsmerkmal dar) (Bielmeier R. Sarmatisch, Alanisch, Jassisch und Altossetisch // CLI. S. 240. F. 12).

¹⁵ Витчак К.Т. Скифский язык: опыт описания // Вопросы языкознания. 1991. № 5.

этому значения¹⁶. Не буду останавливаться подробно на этимологии имени Колаксая, отмечу лишь, что трактовку его первого элемента как рефлекса иранского **xauda/kula* «шапка; шлем», выгодно отличающуюся от принимаемой А.И. Иванчиком тем, что она не входит в противоречие с законами скифской фонетики, много лет назад предложил Ф. Корнильо¹⁷ (чья работа, однако, как и статья К.Т. Витчака в библиографии к книге А.И. Иванчика отсутствует). В качестве иранской параллели имени Колаксая можно вспомнить прозвище (или подлинное имя) персидского царя Дария III – Кодоман (*Codomannus* – Justini 10, 3), которое можно трактовать как «Шлемоносец» (**Xaudamant*-)¹⁸.

Разумеется, когда речь идет о древнем бесписьменном языке, дошедшем до нас лишь во фрагментах, ошибки неизбежны, но в рецензируемом труде мы, к сожалению, имеем дело не с отдельными неточностями, к которым и придирается не стоило бы, а с непониманием скифской исторической фонетики. Автор заимствовал из работ предшественников и удачные находки, и фонетически невозможные сближения, не выработав критерии, которые позволили бы отделить зерна от плевел.

Вернемся, однако, к упоминанию Колаксаева коня у Алкмана и к тому, что это упоминание может дать скифологии. Как мы выяснили, -/ в этом имени, как и в прочих скифских словах, восходит к общеиранскому **d* через промежуточную стадию **δ*. Поскольку *z* в ассирийских передачах самоназвания скифов – *ašguzāia*, *asguzāia*, *iškuzāia* – соответствует греческому θ в Σκόθαι и более позднему скифскому *l* в упоминаемом Геродотом самоназвании скифов Σκόλοτοι, т.е. **skula-ta*, где -*ta* – показатель множественности, ясно, что к началу скифских переднеазиатских походов, в VII в. до н.э., иранское **d* уже превратилось в восточноиранском, *resp.* скифском, в межзубный звонкий δ [d], который в ассирийском аккадском, где не было интердентальных фрикативных, передавался через сибилант *z*¹⁹, а в греческом, где не было звонкого [d], через глухой межзубный фрикативный θ. Начальный гласный в аккадском является протетическим²⁰ (откуда разноречивое написание – то с начальным *a-*, то с начальным *i-* в ассирийской и вавилонской традициях соответственно), так что самоназвание скифов на момент их первых контактов с ассирийцами и греками должно было звучать **Skuda* (из **Skuda*), что в результате дальнейшего перехода δ > *l* не позднее V в. до н.э. (когда составлял свой «Скифский рассказ» Геродот) дало форму **Skula*, записанную Геродотом в виде Σκόλο- или Σκόλη- (в царском имени Σκύλης, т.е. «Скиф»)²¹. Однако форма с -/-, зафиксированная Алкманом, позволяет датировать этот процесс куда точнее, определяя *terminus ante quem* перехода δ > *l* концом VII в. до н.э.

Этим, однако, дело не ограничивается. Специфика передачи самоназвания скифов в ассирийском и греческом свидетельствует, что носители воспринявших это слово греческих диалектов уже произносили *tətu* не как *tʰ* (придыхательный *t*), а как спирант. Это, во-первых, меняет наши представления о времени возникновения данного явления в греческом (обычно его считают достаточно поздним, хотя *сигма* вместо *тэты*, передающая спирантизированное произношение

¹⁶ Не только в работах А.И. Иванчика, но и в отечественной скифологии вообще господствует традиционное представление о генетических связях скифского языка, а все противоречия ему данные попросту игнорируются. Например, такой энциклопедически образованный ученый, как Вяч.Вс. Иванов, в одной из последних работ вновь пишет, что «...для скифской группы... восстанавливается язык, относившийся к согдийско-аланской подгруппе восточноиранских языков» (Иванов Вяч.Вс. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из [так в оригинале. – С.К.] древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. Сб. ст. к 75-летию В.И. Сараниди. М., 2004. С. 56).

¹⁷ Cornillot F. De Skythes à Kolaxais // *Studia Iranica*. 1981. Т. 10. Fasc. 1. P. 9–11.

¹⁸ Иную этимологию предлагает Э. Бадян: из западносемитского, *resp.* арамейского, *qdmwn* «восточный, с Востока» (*Badian E.* Darius III // *Harvard Studies in Classical Philology*. 2000. Vol. 100. P. 247–248).

¹⁹ Такая передача фонетически вполне объяснима: так же обычно поступают с английским звонким межзубным русские, не слишком хорошо овладевшие английским произношением.

²⁰ В аккадском, как и в других древнесемитских языках, слог не мог начинаться с двух согласных (см. об этом, например, Дьяконов И.М. Аккадский язык // Языки Азии и Африки. Т. IV. Кн. 1. Афразийские языки. М., 1991. С. 80; специально об аккадской передаче иранских имен с начальным стечением согласных см. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 73).

²¹ Первым эту цепочку наименований проследил О. Семереньи в работе, опубликованной в 1947 году на венгерском языке. См. также Дьяконов И.М. История Мидии. М.–Л., 1956. С. 242 сл.; Szemerényi O. Four Old Iranian Ethnic Names: Scythian – Skudra – Sogdian – Saka // *Sitzungsber. der Österreich. Akad. d. Wiss. Philosoph.-hist. Kl.* 371. Bd. Veröffentlichungen der Iranschen Kommission. 1980. Bd 9. S. 16–23; Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 50–51.

спартанцев, встречается уже у Фукидида и Аристофана²²), а во-вторых, заставляет прийти к выводу, что первыми с самоназванием скифов познакомились не ионийцы, а скорее дорийцы, в речи которых это произношение появляется раньше всего (хотя нельзя полностью исключить и эолийцев, в речи которых спирантизированное произношение *тэты* также возникло раньше, чем у ионийцев). К сожалению, на этом основании нельзя сделать однозначный вывод о месте первого знакомства греков и скифов – носители дорийских и эолийских диалектов обитали, наряду с ионийцами, и в Малой Азии, но поскольку жители Азии, видимо, имели дело прежде всего с ионийцами, – не даром в древнеперсидских надписях все греки называются *Yauna*, – такую передачу самоназвания скифов можно считать еще одним косвенным аргументом в пользу того, что впервые с ними познакомились именно западные греки²³.

Как было сказано выше, представления А.И. Иванчика о скифском языке почерпнуты в основном из работ более чем полувековой давности, написанных в то время, когда скифскую лексику еще не умели по формальным признакам отличать от сарматской. Именно поэтому лексемы, которые он считает скифскими, зачастую оказываются сарматскими, что заставляет с осторожностью относиться к экстраполяции соответствующего материала на скифскую эпоху. Так, рефлекс иранского **spāda* («войско»), приводимое Гезихием слово *σπάδακες* («псы»), вопреки мнению А.И. Иванчика (с. 187), не может быть скифским, поскольку в скифском, в соответствии с юговостоноиранским, *resp.* скифским, переходом **d > l* рефлекс данного этимона приобрел бы форму **spala*; впрочем, сослагательное наклонение здесь не вполне уместно, поскольку именно такая форма реально засвидетельствована ономастикой скифов Арахозии (область современных Газни и Кандагара – древняя Александрия ἐν Ἀραχωτίᾳ)²⁴: ср. такие имена, как *Spalagadama* (интервокальное *-d-* во второй части слова – результат озвончения *-t-*), *S/Spalahora*, *S/Spalirisha*²⁵. Ср. также предположительно скиф. *Σπαλω<v>* из Ольвии второй половины IV в., на которое обратил внимание С.Р. Тохтасьев²⁶.

Осетинское слово *bal* «группа; отряд; шайка; стая», вопреки утверждению А.И. Иванчика (с. 185), не связано с древнеиндийским *bala* «сила» – иначе, ввиду краткости первого слога в древнеиндийском, в осетинском ожидалось бы **baer/l*. Да, в книге «Осетинский язык и фольк-

²² О раннем превращении придыхательной *тэты* в спирант в западноточеских диалектах, в первую очередь в дорийском, см. *Juret A.-C. Phonétique grecque*. P., 1938. P. 44; *Buck C.D. The Greek Dialects. Grammar. Selected Inscriptions. Glossary*. Chicago – London, 1955. P. 59; *Arena R. Die Vertauschung θ/φ bei einigen altgriechischen Inschriften // Glotta*. 1966. XLIV. S. 14–19; *Pisani V. Manuale storico della lingua greca*. Seconda edizione con un' Appendice: *Il Miceneo* di Celestina Milani. Brescia, 1973. P. 52–53, 102; *Allen W.S. Vox Graeca: a Guide to the Pronunciation of Classical Greek*. Camb., 1987. P. 26 et al.

²³ В связи с этим возникает вопрос: какие греки в VII в. до н.э. были знакомы со скифской мифологией? Малоазийские, поскольку Алкман происходил из Сард, как предполагает автор рецензируемого труда, или западные, поскольку он писал на более чистом дорийском, чем прочие лирические поэты (*Buck*. Op. cit. P. 15; *Risch E. Die Sprache Alkmans // Museum Helveticum*. 1954. 11) и, возможно, ориентировался на западноточескую аудиторию?

²⁴ Я. Харматта (*Harmatta J. Languages and Scripts of Graeco-Bactria and the Saka kingdoms // History of Civilizations of Central Asia*. Vol. II. The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 B.C. to A.D. 250 / Ed. J. Harmatta. Co-ed. B.N. Puri, G.F. Etemadi. UNESCO Publ., 1994. P. 409–416) называет их саками Систана, что неточно: правитель Систана Гондофар завоевал эти районы уже после того, как местная скифская династия прекратила свое существование, и Арахозия вновь оказалась под властью индо-греческих царей. См. *Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage*. V. 5. Establishment of the Scythians in Afghanistan and Pakistan. The Parthians, the Dynasties of Otannes and Vonones, the Conquests of Maues circa 130 to 40 B.C. L., 1976. P. 441–447; *Senior R.C. Indo-Scythian Coins and History*. L., 2001. Vol. 1. An Analysis of the Coinage. P. 39–47; *Bopearachchi O., Pieper W. Ancient Indian Coins*. Turnhout, 1998. P. 208–212.

²⁵ См. легенды на арахоийских монетах, греческие и пракритские, выполненные письмом кхароштки: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΔΕΛΦΟΥ ΣΠΑΛΙΡΙΣΟΥ ([монета] брата царя, Спалириса), *maharaja-bhratadhramiasa Spalirishasa*, («[монета] брата царя, праведного Спалириса»), *Spalahoraparaputrasa dhramiasa Spalagadamas* («[монета] сына Спалахоры, праведного Спалагадамы») и пр. – *Mitchiner*. Op. cit. P. 449–455; *Senior*. Op. cit. Vol. II. The Illustrated Catalogue of Indo-Scythian and Indo-Parthian Coins. P. 27–30; *Osmund Bopearachchi. Indo-Greek, Indo-Scythian and Indo-Parthian Coins in the Smithsonian Institution*. Delhi, 1993. P. 218–221. Лингвистический анализ см. *Harmatta*. Op. cit. Правда, Я. Харматта объявляет слово *spala* заимствованием из парфянского *spāda*, для чего нет ни малейших оснований, поскольку рефлекс иранского **spāda* встречаются в восточноиранских языках, например, в согдийском и осетинском (ИЭСОЯ. I. С. 479), но даже если бы он оказался прав, автоматический «пересчет» заимствованного *δ* на *l* демонстрировал бы, что в сакском, как и в скифском, общеиранское **d* давало *l*.

²⁶ *Тохтасьев С.Р. Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonisation to the Ottoman Conquest*. Iași, 2005. P. 90. Note 176.

лор», вышедшей в 1949 г. (и перепечатанной в 1979 г. практически без изменений) В.И. Абаев допускал, хотя и без всякой уверенности, связь между осетинской и древнеиндийской лексемами, однако в более поздней работе²⁷ резонно отказался от этого сближения и предложил куда более убедительную с формально-фонетической точки зрения этимологию: от слова **bārya*, в свою очередь восходящего к корню **bār-* «ездить верхом», с первоначальным значением «конная партия, конный отряд». Учитывая специфически сармато-аланское, позднее фонетическое развитие **rya > l*, вряд ли можно возводить осетинское *bal* к скифскому и утверждать, что скифы называли так свои военные отряды. А.И. Иванчик, однако, делает именно это, даже не упоминая об альтернативной этимологии.

Имя позднескифского царя Палака (Πάλακος) связано отнюдь не с осетинским *bal*, как считает автор рецензируемой книги (с. 185). Оно восходит к иранскому **Pādaka* (от **pāda* «нога») – «Ногастый; (Длинно)ногий»; ср. эпитет бога Вайю в Авесте (Yt. XV, 54): *bərəzi.pādō* «высоконогий»²⁸, а также папшто *palai* «пеший» <**palaka*.

Различие между формами самоназвания скифов Σκύθαι и Σκόλοτοι²⁹ не диалектное, как полагает А.И. Иванчик, в очередной раз следуя неудачной формулировке предшественников, а диахроническое – первая форма отражает более древнее произношение скифского слова (ср. выше).

Едва ли можно принимать всерьез предположение, будто первая часть имени позднескифского царя Скилура (Σκίλουρος) передает самоназвание скифов (с. 222). Это имя, демонстрирующее уже разбиравшийся выше переход **-d->*-δ->-l-*, восходит к иранскому **skidura-*, что означает «Режущий; Победоносный»³⁰.

А.И. Иванчик полагает, что наименование среднеазиатских саков, *хаумаварга*, содержит во второй части иранское **varka* («волк») с озвончением глухого согласного, которое якобы известно «в скифо-сакских диалектах» (с. 183). В сакских диалектах такое озвончение действительно происходит (ср. выше, об имени *Spalagadama*), но в более поздний по сравнению с упоминанием саков-хаумаварга в древнеперсидской эпиграфике период. Учитывая, что в скифском языке озвончение не отмечено даже в поздних именах (Πάλακος), не говоря уже о ранних (Ἐμινάκης, Ὀρίκος и т.п.), как не отмечено оно и в раннесарматском (ср. хотя бы приводимое А.И. Иванчиком по другому поводу имя Οὐαρζβάλακος), его следует считать поздним явлением, которое не могло иметь места во времена Дария.

Всего в рецензируемой монографии в той или иной форме этимологизируется пятнадцать лексем, которые А.И. Иванчик считает – не всегда обоснованно – скифскими или восходящими к скифскому: Λιπόζαις, Ἀρπόζαις, Κολάξαις, Σκύλης, Παράλῳτα, Σκύθα, Σκόλοτοι, *saka*, *haumavarga*, Σκίλουρος, Πάλακος, *Scolopitus*, σπαδακες, ἐνάρεις, *bal*. Восемь из них либо тракту-

²⁷ ИЭСОЯ. 1958. I. С. 232–233.

²⁸ Грантовский. Ранняя история... С. 174–175. Прим. 28.

²⁹ Кстати, автору рецензируемой монографии стоило бы пояснить, почему он отдает предпочтение форме Σκόλοτοι с парокситональным ударением. Ударение в единственной зафиксированной форме аккузива множественного числа, Σκολότους (*Herod.* IV. 6), указывает только на то, что ударение в номинативе было баритональным, т.е. не падало на последний слог. На второй слог оно в этой форме могло перейти с первого из-за удлинения последнего слога, а для именительного падежа с кратким последним слогом логично предполагать пропарокситональное ударение, Σκόλοτοι, что и делает большинство исследователей, включая авторов словарей древнегреческого языка. Аналогия с формами типа Σαυρομάται в данном случае не проходит: там ударение в номинативе множественного числа объясняется, видимо, аналогией с единственным, где, ввиду долготы последнего слога -ης (где греческая *эта* передавала иранский конечный *a*), ударение не могло падать дальше второго слога от конца, тогда как окончание аккузива множественного числа Σκολότους предполагает номинатив единственного с кратким последним слогом -ος. Конечно, форма Σκόλοτοι теоретически возможна (ее, например, принимал Мюлленгоф), но все же читателям было бы полезно знать, почему А.И. Иванчик предпочитает ее, а не более ожидаемую и принятую форму Σκόλοτοι. То же относится и к имени Палака, которое А.И. Иванчик также приводит с парокситональным ударением вместо более принятого Πάλακος.

³⁰ Ср. др.-инд. *chidura-* «режущий; уничтожающий»; относительно семантического развития ср. курдское *biṛā* «победоносный», букв. «режущий» – Цаболов Р.Л. Этимологический словарь курдского языка. Т. I. М., 2001. С. 188–189). Впервые предложивший эту этимологию О.Н. Трубачев, будучи одержим идеей о присутствии индоариев в Северном Причерноморье в скифское время, трактовал имя Скилура, несмотря на его типично юговостоноиранскую форму, как индоарийское (Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 276–277). Правда, форма **Skidura* < индоиранского **Séidura* не вполне регулярна – ожидалось бы **Sidura* (на это обстоятельство обратил мое внимание А.М. Лубоцкий). Возможно, в скифском произошла контаминация с корнем **(s)kand-* «расщеплять, раскалывать» (ср. шугн. *xⁱičand-/ščend-* «резать»).

ются заведомо неверно, либо по формальным признакам не могут быть скифскими (см. выше). Такой процент ошибок явно выходит за рамки статистической погрешности и объясняется, помимо недостаточного знакомства автора с собственно скифологической проблематикой, и тем, что источником сведений о скифском языке для А.И. Иванчика были в первую очередь работы, написанные в 40–60-х годах прошлого века, да и то использованные весьма прихотливо (ср. выше о слове *bal*). Последняя известная А.И. Иванчику работа о скифской этимологии, брошюра О. Семереньи, опубликована в 1980 году, ровно за четверть века до его собственного труда³¹. Примечательно, что столь избирательное обращение с историографией позволяет себе автор, высокомерно третирующий работу, в которой литература конца 80-х – начала 90-х годов якобы используется «лишь в исключительных случаях» (с. 235, прим. 44).

А.И. Иванчик приходит к обоснованному выводу, что греки уже в VIII в. до н.э. узнали именно скифов, поскольку описание неназванных кочевников у Гомера как «доителей кобылиц» и «млекоедов» предельно реалистично, а не киммерийцев, описание которых в «Одиссее» «противоречит реальному облику исторических киммерийцев» (с. 59). Он полагает, что кочевники, упомянутые в «Илиаде» и, вполне вероятно, носившие имя, которое в греческом приняло форму Σκύθαι – «скифы», обитали за Истром, в районе Северо-Западного Причерноморья, а сведения о них дошли до греков, возможно, через фракийское посредство (с. 66). Сама по себе данная гипотеза не противоречит историческим и лингвистическим фактам и имеет право на существование; следовало бы только указать, что идею о фракийском посредстве выдвинул в позапрошлом веке В. Томашек³², а серьезно обосновал И.М. Дьяконов³³ (в библиографии к книге соответствующих работ, однако, нет). Трудности появляются, если попытаться согласовать ее с разделяемой А.И. Иванчиком теорией о том, что первичный очаг скифского звериного стиля, одного из основных отличительных признаков материальной культуры классических скифов, на рубеже IX–VIII вв. до н.э. находился в Центральной Азии (одними из самых ранних памятников скифского звериного стиля А.И. Иванчик, вслед за петербургскими археологами, считает находки из кургана Аржан I в Туве)³⁴. Таким образом, по Иванчику, носители этнонима «скифы» в VIII в. до н.э. жили, видимо, в Северо-Западном Причерноморье, а носители искусства звериного стиля в то же самое время – на территории современной Тувы. Возникает естественный вопрос: где и когда первые и вторые могли встретиться и сформировать новую общность, воспринявшую самоназвание одной из составных частей и искусство другой? А.И. Иванчика, однако, подобные мелочи не смущают: коль скоро о локализации ранних скифов и происхождении звериного стиля говорится в разных работах, стоит ли беспокоиться о согласованности выводов?

Приходится вновь с сожалением констатировать, что книга распадается на две неравноценные части: добротную сводку упоминаний северных кочевников в ранней античной литературе и основанную на устаревших сведениях попытку проанализировать собственно скифскую традицию. Справедливости ради надо сказать, что именно в «скифской» части содержатся и интересные гипотезы (что скифы, обратившие в бегство киммерийцев, превратились в рассказе Полиена в «отважнейших псов» под влиянием представлений о том, что члены мужских союзов считали себя воинами-псами, о том, что амфорное клеймо синопского астинома, изображающее сцену терзания человека собаками, иллюстрирует тот же сюжет, что скифские походы в Переднюю Азию были типологически сходны с осетинскими баллами и т.п.), но ошибочные этимологии, приводимые в подтверждение этих гипотез, заставляют относиться к ним с осторожностью. Кроме того, А.И. Иванчик не вполне владеет литературой вопроса и упускает, например, возможность подкрепить свои доводы ссылкой на выводы Д.С. Раевского, также писавшего, но с иной системой аргументации, о сходстве скифских походов и осетинских балцев³⁵.

При чтении монографии нельзя не задуматься над вопросом, выходящим за рамки обсуждения достоинств и недостатков отдельной книги, а именно над тем, можно ли стать скифологом (если не считать чистой археологией), не владея в полной мере иранским материалом. А.И. Иванчик, сам того не желая, дает на этот вопрос отрицательный ответ.

С.В. Кулланда

³¹ См. прим. 21.

³² «Der Name Σκύθαι, für welchen Hesiod, Aristas und Alkman die ältesten Zeugen sind, ward den Griechen wohl durch die Thraker übermittelt...» (*Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den scythischen Norden I // Sitzungsber. der Kaiser. Akad. d. Wiss. B.*, 1888, Bd 116. S. 778).

³³ *Diakonoff I.M. The Cimmerians // Monumentum Georg Morgenstierne I (Acta Iranica 21). Leiden, 1981. P. 140. Not. 75.*

³⁴ *Бонгард-Левин Г.М., Иванчик А.И. Введение и комментарии к статье: М.И. Ростовцев. Юг России и Китай – два центра развития звериного стиля // Парфянский выстрел / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, Ю.Н. Литвиненко. М., 2003. С. 545–548.*

³⁵ *Raevsky D. Scythian Cultural Clichés: Aspects of Interpretation // Nartamongæ. The Journal of Alano-Osettic Studies: Epic, Mythology and Language. V. I. № 1. Vladikavkaz–Paris, 2002. P. 1–10.*